

УДК 811.161.1'28

К ПРОБЛЕМЕ ДИНАМИКИ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Хохлова Н. В.

*ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова»,
Гуманитарный институт, г. Северодвинск, Россия*

В статье рассматривается проблема динамики диалектной лексической системы на примере говоров Архангельской области. Последовательно обосновывается, что диалект как система существенно модифицируется под воздействием стремительно меняющейся социокультурной и информационной среды, однако динамические процессы не вызывают разрушения в системе диалектов, а лишь приводят к их эволюции.

Ключевые слова: языковая динамика, диалектный язык, русские народные говоры на территории Архангельского Севера.

Постановка проблемы. В трудах лингвистов (прежде всего – Р. И. Аванесова) теоретически обосновано, что диалект, как всякая языковая система, характеризуется цельностью и способностью к саморазвитию. Однако в отечественной лингвистике стало традиционным понимание диалекта как некоей временной – и даже переходной – формы существования языка, которая выполняет различные функции на разных этапах ее существования, а затем, постепенно, становится невостребованной, перестает быть единственным (или главным) средством коммуникации определенного языкового коллектива, а значит, перестает существовать. Принимая эту позицию, долгое время языковеды в соответствующих исследованиях ставили вопрос не о развитии (эволюции) диалектного языка, а вопрос о его элиминации, степени его сохранности в современных исторических условиях (работы А. А. Чарушина, Ф. П. Филина, И. С. Попова, А. С. Герда и многих др.). Поэтому изменения, происходящие в диалектном языке, в том числе в его словарном составе (устаревание или архаизация лексики, насыщение иноязычными словами, неологизмами и др.), априори трактовались как гибель, исчезновение диалекта: «современные говоры в традиционном понимании разрушены» [13, с. 121]; русские диалекты «как цельные речевые единицы со своей особой системной организацией <...> теперь уже почти не существуют» [16, с. 140].

Сказанное объясняет сложившуюся в русской диалектологии традицию, согласно которой подавляющее большинство диалектологов «<...> наблюдали лишь традиционный слой говора» [7, с. 17], ставили своей задачей описать сохранившиеся в говорах «архаичные диалектные особенности (лексические, фонетические, морфологические)» [15, с. 60].

Очевидно, что традиционные говоры к настоящему периоду их существования в известной степени трансформированы временем в новые функциональные формы:

койне (В. В. Виноградов, Ф. П. Филин, Ю. С. Степанов и другие); сельское просторечие (Т. С. Коготкова, В. В. Колесов, Т. Н. Плешкова, Л. И. Скворцов и другие); полудиалект или региолект (А. С. Герд, Т. И. Ерофеева, В. И. Трубинский и другие). В ряде исследований утверждается неравномерный характер разрушения говоров на территории России: «в ряде мест на севере и востоке нашей страны до сих пор бытуют народные говоры, достаточно устойчиво сохраняющие <...> структурную целостность, внутреннюю соотносительность языковых элементов» [18, с. 39]. При этом архангельские говоры характеризуют как «совершенно уникальные языковые явления, хорошо сохранившие <...> древнейшие диалектные черты» [6, с. 6].

Итак, проблема динамики современных диалектов представляет особый интерес для лингвистов. **Актуальность** изучения диалектной лексики в указанном аспекте несомненна, поскольку очевидна внутренняя эволюция говоров, результаты которой пока не ясны. Определение статуса территориальных диалектов, описание степени их сохранности, динамики и направления их развития является **целью** настоящей работы.

Будучи одной из основных форм существования языка, диалект, несомненно, является языковой системой. Идея системности диалекта формулировалась ранее и потому не нова. Как всякая языковая система, диалектный язык характеризуется цельностью и способностью к саморазвитию. Следовательно, без преувеличения можно утверждать, что он «существует и развивается как целенаправленная функционирующая система», а многие закономерности его функционирования и развития можно объяснить «самим фактом его бытия в виде сложодинамической системы» [9, с. 201, 206].

В современных лингвистических публикациях активно обсуждаются причины и результаты изменений, происходящих в системе русского диалектного языка. При обсуждении причин основное внимание уделяется характеристике внешних факторов, приведших к существенной модификации диалектной системы. Комментируя эти факторы, лингвисты исходят из общей предпосылки, согласно которой изменения в диалекте определяются, прежде всего, кардинальной перестройкой социокультурной и информационной среды его бытования, что само по себе возражений не вызывает. К наиболее значительным внешним причинам, обусловившим изменения в русском диалектном языке на всех его уровнях, традиционно относят стремительный технический прогресс, развитие общественных коммуникационных систем, масштабную экспансию городской культуры, развитие потребительской системы и быта сельского населения, снижение уровня изолированности отдаленных населенных пунктов от активных путей сообщения, связывающих провинцию с культурными и экономическими центрами. Весьма заметно повышается общий уровень грамотности населения. Диалект перестает быть языком неграмотных жителей села. Его носители уже не только грамотны, но и образованны, а многие, имеющие к нему то или иное отношение, имеют высшее образование. Это крупное, существенное изменение, которое до сих пор практически не принимается во внимание диалектологами.

Происходят радикальные изменения и в прежней системе этических и эстетических ценностей, в системе сельского хозяйства, народных промыслов. Это означает, что кардинально меняются условия бытования русских народных говоров, следовательно, и их социолингвистический статус, определяемый объемом и структурой осуществляемой с их помощью коммуникации. Диалектологи отмечают не угасшую до настоящего времени функциональную активность диалектных систем – особенно в сферах неофициальной, внутрисемейной и дружественной коммуникации.

Итак, очевидно, что диалект как система существенно модифицируется. Однако по нашим наблюдениям, лингвисты склонны объяснять изменения в диалектном языке, прежде всего – и даже исключительно – экстралингвистическими причинами, не уделяя должного внимания выявлению и описанию внутренних причин его развития; к числу последних традиционно относят внутренние диалектические противоречия, преодоление которых является «источником развития языка, источником образования и накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества» [8, с. 14]. Многие лингвисты рассматривают в качестве основного (фундаментального) внутреннее противоречие, возникающее «между наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями» [8, с. 14]. Ср. также: «функционирование языка, служащего средством общения для членов данного общества, устанавливает новые потребности, которые предъявляет общество к языку, и тем самым толкает его на дальнейшее и непрерывное развитие и совершенствование» [5, с. 186]; «меняющиеся нужды общества постоянно диктуют создание новых средств, необходимых для выражения новых понятий и идей, для эффективного обмена ими, для передачи возрастающего потока информации и ее хранения» [9, с. 254]; «между потребностями говорящих на данном языке и ресурсами языка <...> возникают противоречия. Они-то и определяют движение и совершенствование языка» [2, с. 36] и др.

Все эти утверждения следует признать справедливыми и по отношению к системе диалектного языка. Приведем такую аналогию: изменения, происходящие в словарном составе литературного языка, в том числе устаревание или архаизация лексики, насыщение иноязычными словами, неологизмами и др., однозначно трактуются как процессы языкового развития; та же ситуация применительно к диалектной системе «априори трактуется как гибель, исчезновение диалекта» [17, с. 242]. Безусловно, под влиянием новых условий жизни многие реалии постепенно утрачивают актуальность, исчезают из обихода сельских жителей, что приводит к выходу из употребления определенного слоя диалектной лексики. Так, ушли из говоров ряд групп лексики природы, например, большая группа названий леса, названий почв, народных географических терминов; утрачивается лексика, отражающая многие реалии трудового процесса и др.

Однако происходят и противоположно направленные процессы: диалекты заимствуют лексические единицы нового времени, не трансформируясь при этом в литературный язык. Имеются свидетельства активного пополнения словарного состава современных говоров лексикой сферы социальных отношений, научно-

технической сферы и некоторых других. Важно, что диалектный язык имеет собственные тенденции и механизмы освоения заимствований, при этом не разрушаясь и оставаясь самим собой, сохраняя в своей структуре многие традиционные элементы, а значит и историческую самобытность. Например, слово *клип* усваивается говорами не как название короткого музыкального специфического фильма, а в значении 'исполняемый номер на сцене'. Отмечается переосмысление, приращение новых значений к уже имеющимся словам (например, *солонина* 'овощные заготовки на зиму'). Происходят процессы расширения и сужения значений слов и т.д.

Очевидно, что к описанию эволюции диалектного языка следует подходить с позиции ее двусторонней зависимости от факторов внешних и внутренних; изучение лишь экстралингвистических причин приводит к тому, что собственная логика развития диалекта остается в стороне. Не получают освещения многие актуальные и малоизученные вопросы. Назовем лишь некоторые из них.

1). Каковы собственно языковые изменения диалекта и чем они обусловлены? Например, почему в современных архангельских говорах произошла деактуализация слова *зуба* при активизации литературного слова *гриб* в позиции родового именованья всех особых организмов, не образующих цветков и семян и размножающихся спорами, однако при этом устойчиво сохраняется слово *обáбок* в значении 'белый гриб; ценный трубчатый съедобный гриб с белой мякотью, с бурой шляпкой и толстой белой ножкой'?

2). Почему некоторые языковые явления сохраняются в диалекте продолжительное время и характеризуются значительной устойчивостью ко всякого рода воздействиям (а значит, могут интерпретироваться как наиболее фундаментальные и показательные для системы диалектного языка), другие демонстрируют подвижность и подвергаются различным преобразованиям, а участь третьих – их полное забвение? Приведем лишь некоторые примеры. Так, с XIX века и до настоящего времени в архангельских говорах широко распространены такие слова, именующие различные атмосферные явления и процессы: *бусить* 'идти (о мелком дожде)' [10, с. 18; 12, с. 46; 1, вып. 2, с. 186; материалы экспедиций 2001 – 2009 гг.]; *замóчливый* 'сырой, дождливый (о погоде)' [12, с. 51; 4, т. 1, с. 601; 14, вып. 10, с. 259; материалы экспедиций 2001-2009 гг.]; *мóрок* 'дождевое облако' [10, с. 116; 3, с. 198; материалы экспедиций 2001-2009 гг.]; *шугá* 'мелкий плавучий лед и обмерзшие комья снега' [10, с. 268; 12, с. 564; материалы экспедиций 2001-2009 гг.]; *сумёт* 'сугроб' [10, с. 220; 12, с. 168; 3, с. 278; материалы экспедиций 2001-2009 гг.]; *куревá* 'метель с падающим снегом' [10, с. 97; материалы экспедиций 2001-2009 гг.] и др.

Часть слов в современных архангельских говорах бытует с другим по сравнению с зафиксированным в словарях и картотеках значением, например: слово *пáдера*, которое в XIX веке фиксируется со значением 'густой мягкой снег, падающий большими хлопьями' [10, с. 151] теперь известно в значении 'метель, сильный ветер со снегом': *Пáдера началась, ни неба, ни земли не видно! Вéтер со снéгом, пáдера поднялась; чамрá, чемрá* 'мокрый снег, иногда с туманом' [4, т. 4, с. 581; 10, с. 254] используется современными диалектоносителями в двух значениях,

ни одно из которых не связано с атмосферными явлениями: 1) ‘человек с плохим аппетитом’: *Чемра́, не ест ничего, чемра́, человек, ничего не ест, мрёт значит*; 2) ‘густой труднопроходимый лес; чаща’: *В лес идёшь кустарник чемра́, оно уже непроходимое, не пройти через чемру́* и др.

Третья группа – слова, утраченные современными архангельскими говорами, не названные ни одним из опрошенных информантов: *пурго* 1) ‘охота на зверя в пургу’; 2) ‘убитая зверем в пургу скотина’ [14, вып. 33, с. 136]; *осиньчак* ‘вытаявший из-под снега лед на реке или озере’ [3, с. 222]; *овсяно лето, овсяной год* ‘дождливое лето, породившее дикий овес на полях’ [3, с. 217] и др.

3). Почему некоторые новации достаточно быстро адаптируются в системе диалекта и активно функционируют в речи диалектоносителей, а другие не усваиваются диалектным языком, не становятся частотными и характеризуются низкой функциональной активностью? Обратимся к примерам. Так, в архангельских говорах оказалось востребованным и прочно усвоенным слово *декрёт*, -у́ (-а́), м., нов. ‘отпуск по беременности’ [1, вып. 10, с. 429]. Об этом свидетельствует целый ряд факторов: 1) большой объем записанных с этим словом контекстов; 2) наличие грамматических и словообразовательных вариантов (ср.: *декрёта*, -ы, ж., нов.; *декрётка*, -и, ж., нов.; *декрётное*, -ого, ср., нов. – с тем же значением [1, вып. 10, с. 430]); 3) высокая словообразовательная активность слова (ср.: *декрётить*, -чу, -тит, несов. нов. ‘находиться в отпуске по беременности’; *декрётница*, -и, ж., нов. ‘женщина, находящаяся в отпуске по беременности’; *декрётничать*, -аю, -ает, несов. нов. ‘находиться в отпуске по беременности’ и др. [1, вып. 10, с. 430]); 4) появление устойчивых выражений с данным словом (ср.: *декрёт пользовать (носить, сиживать)* ‘использовать декретный отпуск’; *выйти в декрёт* ‘уйти в декретный отпуск’ [1, вып. 10, с. 430]); 5) достаточно широкая география распространения слова: оно записано в Приморском, Коношском, Устьянском, Каргопольском, Холмогорском, Виноградовском, Лешуконском, Шенкурском, Няндомском, Пинежском, Плесецком районах, т.е. в одиннадцати из девятнадцати районов Архангельской области.

Другие слова, напротив, оказываются не востребованными системой диалектного языка, что выражается их единичными фиксациями, отсутствием производных от них слов, малой территорией распространения и др. Например, имя существительное *губаторка*, -и, ж. ‘инкубаторская курица’ получает лишь единичную фиксацию в селе Лиходеево Вельского района [1, вып. 10, с. 127]; глагол *депутировать*, -рую, -рует, несов. ‘исполнять обязанности депутата’ – в д. Маньшинская Устьянского района [1, вып. 11, с. 37-38]; имя прилагательное *вакáтной*, -а(я), -о(е), нов. ‘свободный от дел’ – в д. Вельци Коношского района [1, вып. 3, с. 27] и др.

4) Какие группы лексики пополняются наиболее активно, а какие, напротив, характеризуются лишь стремительной утратой единиц и практически не пополняются? Отметим, что в специальной лингвистической литературе отражаются лишь некоторые разрозненные наблюдения. На материале разных говоров звучит вывод диалектологов о том, что к настоящему времени многие

наименования цикла природы безвозвратно утрачены, сохранившаяся лексика этой группы немногочисленна и в настоящее время практически не пополняется. С другой стороны, отмечают многочисленность лексики, отражающей «образ человека, характеризующей его с точки зрения возраста, внешнего облика, физического состояния, привычек, пристрастий и т. п.» [11, с. 187].

Выводы. Ответы как на перечисленные, так и на многие другие вопросы позволят определить собственную логику и «новационные линии» развития диалекта. Для решения этой задачи необходимо, чтобы современная постановка проблемы заключалась не в изучении одних – внешних – причин эволюции диалектного языка в ущерб другим – внутренним, а в том, чтобы объективно показать, в чем именно может проявиться действие тех и других и их конкретное переплетение.

Список литературы

1. Архангельский областной словарь. – Вып. 1-13 / [под ред. О. Г. Гецово́й]. – М.: Изд-во МГУ (вып. 1-9); Наука (вып. 10-13), 1980-2010.
2. Будагов Р. А. Проблемы развития языка / Р. А. Будагов. – М.–Л.: Наука, 1965. – 304 с.
3. Грандилевский А. Н. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор / А. Н. Грандилевский. – Типография Императорской академии наук, 1907. – 304 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль. – М.: Цитадель, 1994.
5. Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию / В. А. Звегинцев. – М.: Наука, 1962. – 384 с.
6. Кобелева И. А. Тенденции развития неличных форм глагола в говоре и просторечии: дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук. / И. А. Кобелева. – Л.: ЛГУ, 1998. – 284 с.
7. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции / В. В. Колесов // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск, 1995. – С. 13-18.
8. Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание / Т. П. Ломтев. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
9. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / [под ред. Б. А. Серебренникова]. – М.: Наука, 1970. – 602 с.
10. Опыт областного великорусского словаря, изданный вторым отделением Императорской Академии Наук. – Санкт-Петербург, 1852. – 314 с.
11. Плешкова Т. Н. Особенности языковой ситуации Архангельского Севера и формирующие их факторы: [монография] / Т. Н. Плешкова. – Архангельск: ПоморГУ, 2003. – 223 с.
12. Подвысоцкий А. О. Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. О. Подвысоцкий. – М.: ОГИ, 2009. – 575 с.
13. Попов И. С. О принципах разработки программы собирания сведений для областных словарей / И. С. Попов // Теория и практика областной лексикографии. – Л.: Наука, 1984. – С. 116-124.
14. Словарь русских народных говоров: В 41 вып. – М.–Л., 1965-2007.
15. Уткина А. С. Диалектные языковые факты в речи коренных жителей Няндомского района Архангельской области (по материалам экспедиции 2007 года) / А. С. Уткина // Живое слово северян: прошлое и настоящее. – Архангельск: ПГУ, 2007. – С. 53-60.
16. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания / Ф. П. Филин. – М.: Наука, 1982. – 336 с.
17. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении: [монография] / В. Н. Шапошников. – М.: URSS, 2010. – 275 с.
18. Яговцева О. А. Антропоцентрические метафоры в диалектной картине мира: дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук / О. А. Яговцева. – Сургут, 2006. – 294 с.

Хохлова Н. В. **До проблеми динаміки діалектної лексичної системи** // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63). – № 4. Частина 2. – С.184-190.

У статті розглядається проблема динаміки діалектної лексичної системи на прикладі говірок Архангельської області; обґрунтовується, що діалект як система істотно модифікується під впливом стрімко мінливого соціокультурного та інформаційного середовища. Динамічні процеси не викликають руйнування в системі діалектів, а призводять до їх еволюції.

Ключові слова: мовна динаміка, діалектна мова, російські народні говірки на території Архангельської Півночі.

Khokhlova N. **About the problem of development of dialect lexical system** // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V. 24 (63). – № 4. Part 2. – P.184-190.

The problem of development of dialect lexical system on the basis of dialects of Archangelsk region is observed in this article. It is sequentially proved that dialect as a system is considerably modified because of rapidly changing social, cultural and information environment. The process of development doesn't destroy the system of dialects, but only lead to their evolution.

Key words: the dynamics of language, dialects, Russian dialects on the territory of Archangelsk North.

Поступила в редакцію 26.09.2011 г.